

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Е. Гайдар: «Эффект от реформ наступит к 2005 году»

Споры о росте

Сегодня я хотел бы поговорить о проблемах российского экономического роста, который начался в 1999 году. Именно эта тема на сегодняшний день является предметом самых оживленных дебатов. Главный вопрос: а с чем же связан экономический рост?

Есть две концепции. Первая, можно сказать, доминирующая: сошлись два благоприятных фактора. Это девальвация 1998 года (обесцененный рубль расширил возможность конкуренции для отечественных товаров) и благоприятная конъюнктура рынка нефти. Вторая концепция — очень благостная для власти и менее распространенная в негосударственных СМИ. В соответствии с ней экономический рост — это результат стабилизации политической ситуации, реформ, которые начали проводиться в 2000—2001 годах. Вот эти реформы и принесли такие результаты.

На мой взгляд, обе концепции имеют некоторое отношение к реальности, но абсолютно недостаточны для объяснения того, что все-таки на самом деле происходит. Беда в том, что когда мы обсуждаем российские проблемы, сами масштабы страны подталкивают нас к тому, чтобы вырывать Россию из мирового контекста. Допустим, польские проблемы мы обсуждаем на фоне чешских, венгерских, словацких, румынских, болгарских. А Россия — как будто одна-единственная в мире...

Но давайте вспомним, что в СССР входили 15 республик, 12 из них входят в СНГ. И посмотрим: есть ли там рост? Везде есть! Он там все время был? Нет, не все время. С 1992 по 1994 год везде было падение. 1996—1997 годы: кое-где появляется рост. 1999 год: растут все, кроме Украины. 2000 год: растут все. И это при том, что Путин нигде не приходил к власти и нигде не проводились реформы. Да, половина государств СНГ экспортирует нефть, но половина-то импортирует! То есть одни зарабатывают на нефти, а другие вынуждены тратить деньги на ее покупку...

Так вот, на самом деле все связано с завершением первой стадии постсоциалистического перехода и началом **восстановительного роста**. Дальше этот процесс наслаивается на конъюнктуру рынка нефти, на недооцененность валюты, на структурные реформы... Но это определяет лишь специфику траектории конкретных стран.

Откуда растем?

Почему же раньше все падали, а теперь стали расти? Это связано с самим характером постсоциалистического перехода. На канале «Культура» есть передача «Школа злословия». Там недавно выступал **Миша Леонтьев** на тему падения производительности труда, и **Татьяна Толстая** спрашивает у него: а как вы считаете эту производительность? «Очень просто! — говорит Миша. — Делим производство на число занятых». Хочется на это ответить словами профессора Преображенского из «Собачьего сердца»: «Это не-

просто! Это все очень непростое!» Нет более деликатных понятий в экономике, чем валовый внутренний продукт (ВВП) и объем производства. Пара примеров: если человек женится на своей бывшей домработнице, то ВВП у него сокращается; если он разводится, а бывшая жена соглашается стирать ему носки, то ВВП растет. И там таких забавных, важных подводных камней — бесконечное количество. Один американский экономист описывает опыт Древнего Египта, где мертвых снабжали большим количеством съестных припасов. В связи с этим как считать ВВП: делить на живущих или на мертвых?..

Американские авторы рассуждают так: если что-то продается, кто-то за что-то платит, то это осмысленная деятельность. Это и есть ВВП! То, что никому не нужно, за что не платят, не есть ВВП. При социалистической экономике никто ни за что серьезно не платит. Директивное планирование, дефицит, очереди, распределение... Если вы за что-то платите, еще не значит, что вы делаете это осмысленно — просто у вас нет альтернативы. Да, есть большие объемы хозяйственной деятельности, но в какой мере они осмысленны? В 70-х годах осушали торфяники под Москвой, создавали ВВП. Сегодня торфяники горят, и мы думаем, как их затоплять. Когда мы начнем это делать, то снова будем создавать ВВП... И когда социалистическая экономика вынуждена перестраиваться в соответствии с рыночными условиями, выясняется, что существует множество видов деятельности, которые никогда не могут быть проданы за деньги. Естественно, что они сокращаются вместе с ресурсами, которые там использовались.

Процесс ухода из рыночно невозможных секторов в те, которые работают на рынок и продукцию которых можно продать за деньги, требует некоторого времени. Это время в разных странах разное по протяженности. В постсоциалистических Польше, Чехии и Венгрии падение производства продолжалось три года. Когда в нашей стране начинали реформы, тоже ориентировались на достижение результата через три года. Но это ниоткуда не следовало! У СССР и стран Восточной Европы был разный уровень военной нагрузки на экономику, разный уровень нерыночного сектора. В Польше в начале 90-х еще было живо поколение, которое помнило рынок. А у нас нормальный магазин видел в лучшем случае один человек из ста, то есть тот, кто вывезжал хоть раз в капстрану. Понятно, что переходный процесс в России должен быть более длительным.

Но потом перестройка экономики заканчивается, приходят эффективные менеджеры, стихают войны за передел собственности. Вот на этом фоне падение экономики и сменяется на рост. Кстати, так было при нэпе, когда закончился хаос, связанный с революцией и Гражданской войной, начали восстанавливаться хозяйственные связи, стабилизировалось денежное обращение. Но в 1999—2000 году мы росли быстрее, чем при нэпе в 1923—1924 годах.

Основные черты восстановительного роста

Он идет при относительно низких капитальных вложениях за счет задействования того оборудования, тех квалифицированных кадров, которые существовали раньше.

Этот рост имеет две особенности.

Первая: он приходит неожиданно, и его первоначального всплеска никто не ожидает. Никто не ждал в 2000 году роста ВВП на 9%. Российское правительство прогнозировало рост на 0,2% по оптимистическому сценарию и падение на 2,2% — по пессимистическому. Ни один эксперт тогда не смог предугадать реального роста.

Вторая: затухающий характер роста. Да, рабочие, убежавшие с заводов копать огороды, вернулись на место. Да, оборудование снова заработало. Но эти ресурсы исчерпаемы. Поэтому долго поддерживать высокие темпы роста никогда не удается. Они неизбежно падают. И начинаются рассуждения на тему: смотрите, рост-то у нас выдыхается... В 2001 году был 5%, в 2002-м — уже 4%. Надо как-то подстегнуть этот рост, чтобы так «перло», как в начале восстановительного процесса... Как это напоминает экономическую дискуссию середины 20-х годов! Тогда это кончилось потерей финансового равновесия, возникновением дефицита и отказом от нэпа.

Так что же дальше? Как будем расти? Все, что делает правительство начиная с 2000 года, — это здорово, потому что направлено на создание предпосылок роста после того, как будут исчерпаны ресурсы восстановительного периода: благоприятный инвестиционный климат, стимулирование капитальных вложений, налоговая реформа и т.д. Но беда в том, что подобные структурные реформы имеют отсроченный эффект. Реформы **Рейгана**, оказавшие огромное влияние на США, дали эффект только через десять лет. Эффект от нынешних российских реформ наступит в лучшем случае в 2005 году. Хватит ли резервов восстановительного роста, чтобы дотянуть до 2005 года? Ни один человек на Земле вам этого не скажет.

Отсюда угроза паники. Кричат: давайте откроем свободные экономические зоны, еще какую-нибудь глупость придумаем... Это самая серьезная угроза, какая сейчас есть.

Путину во все уши жужжат: вот при **Примакове** начался рост, а при вас он падает, потому что дури из правительства все делают не так. Наша экономика может расти быстрее, а они просто не хотят... Надо кулаком по столу стукнуть, подстегнуть! И когда **Путин** требует от правительства «больших амбиций» — это естественная реакция политика. Мне лично приятно, что вместо того, чтобы взять под козырек и сказать: «Будет исполнено, Ваше превосходительство! Немедленно поднимем!», прави-

тельство очень откровенно, хотя и осторожно, говорит: «Не будет никаких «прорывов».

Реально ли сохранить рост 4% в год? Этого никто не может сказать. У нас нерастущее население, невысокие капитальные вложения. Для нас 4% в год — это фантастический темп роста! Америка достигла своего доминирующего положения в мире за счет того, что росла по 2% в год. Но — на протяжении двух столетий... Мы при нынешнем темпе роста через 50 лет будем иметь ВВП больше, чем в Америке.

О свободной конкуренции и олигархических компаниях

Это одна из ключевых стратегических проблем российской экономики. Речь идет не столько о формальной конкуренции на различных рынках — молока, картофеля и т.д., сколько о монополизированной структуре российской экономики. Это решает некие текущие, но создает большие стратегические проблемы. При слабой системе судопроизводства, необязательности выполнения контрактов, слабой гарантии прав собственности крупные хозяйствующие структуры в некоторых сферах замещают собой государство. Не можете добиться от государства того, чтобы контракт выполнялся? Сами создайте структуру, которая обеспечит выполнение контракта. В этих организациях люди хорошо работают, хорошая дисциплина, прозрачные финансовые отношения — не для налоговых органов, а для хозяина.

Сейчас эти крупные структуры — некий локомотив роста. Но они продолжают воспроизводить те же проблемы. С судами ничего не улучшается: один куплен одним олигархом, другой — другим... И войти в этот мир малому и среднему бизнесу очень и очень сложно.

Но крупные структуры сами по себе очень хрупкие. Все зависит от нескольких человек, от их отношений. Все может в любой момент взорваться. А за этим стоит судьба сотен тысяч людей, занятых в этой структуре...

Повторится ли кризис 1998 года?

Сегодня мы уязвимы для кризиса гораздо меньше, чем в 1998 году. Тогда страна оказалась в ловушке. У нас была такая система заимствований, что мы потеряли свободу маневра в области курсовой политики. Были выборы 96-го года, высокие политические риски, «короткий» и дорогой внешний долг, высокие ставки, много иностран-

ных денег... Хотя в 1997 году все выглядело радужно. **Чубайс** получил премии как лучший министр финансов на Западе говорили о наших хороших перспективах... Потом случился «азиатский кризис». Инвесторы начали бурно выводить капиталы с развивающихся рынков. А у нас на этом завязан внешний долг! Начали обесценивать рубль, а темпы стали быстрее, чем хотели. Бюджет летит. И тут еще падение цен на нефть...

Что сейчас? Предположим, через год резко падают цены на нефть. Но у нас нет «короткого» внешнего долга! Центробанк может снова отпустить рубль. Будет, допустим, 40 рублей за доллар. Трагедии нет — увеличивается конкурентность отечественных товаров! Что плохого? Страна не умрет, даже если завтра цена на нефть будет \$10.

В чем мы обгоним Америку?

70—80 лет назад на этот вопрос были бы абсолютно простые и ясные ответы: металлургические заводы, электростанции, химкомбинаты... Сейчас крайне быстро изменяются производство и потребности. Можно обогнать США по производству компьютеров, но скорее всего к тому времени окажется, что компьютеры такого типа и поколения никому не нужны...

Думаю, самый перспективный инструмент постиндустриальной экономики — это исследовательское подразделение. А его построить по методу «вырыл котлован и поставил стены» невозможно — это вопрос выживания. В отношении наших перспектив я здесь очень большой скептик.

Где наши преимущества? Это сферы квалифицированного, но не очень дорогого труда. Например, научное приборостроение...

Правда ли, что русские работают хуже всех?

Это непростой вопрос. Низкая производительность труда — оборотная сторона низкой безработицы. И то и другое связано с нормами поведения, сложившимися в советском обществе. У нас действительно низкая зарегистрированная безработица. Служба занятости часто не может использовать свой бюджет, потому что некому платить пособия — мало обращаются. Но при этом огромное количество людей, которые формально заняты, а на самом деле не работают. Они числятся на своем простаивающем военном заводе и где-то работают в сфере услуг, мешочничество и так далее... 75 лет, пока был закон о тунеядстве, наложили свой отпечаток. Нормальный итальянец сказал бы: завод закрылся, я безработный. Постсоветскому же человеку социально комфортнее числиться и говорить всем, что ему не платят зарплату. Отсюда современная российская статистика: никто ничего не производит, но все работают...

Беседовал Александр КОНДРАТОВ, газета «Брянское время»